

УРОКИ ЖИЗНИ В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ
КНЯЗЯ И.М. ДОЛГОРУКОВА

В статье анализируются мемуарные произведения князя И.М. Долгорукова (1764–1823), написанные для потомков и содержащие семейный нарратив о былом величии Долгоруких и несправедливых гонениях на них, приведших к постепенному оскудению семьи. Реконструируются составные части долгоруковской идентичности, образ жизни членов семьи в контексте «долгого» восемнадцатого века. Охарактеризована система личных связей и отношений Долгорукова, обозначены основные категории «значимых других». Автор приходит к выводу, что честолюбие и гордость были характерными чертами Долгоруковых, а в стиле их жизни переплелись элементы старины и веяния европейского Просвещения.

Ключевые слова: Долгорукие / Долгоруковы, И.М. Долгоруков, семейный нарратив, социальные связи, образ жизни, идентичность, «долгий» восемнадцатый век

«Долгий» восемнадцатый век (от воцарения Петра I до кончины Александра I) имеет почти столь же долгую традицию изучения, однако мы по-прежнему мало знаем о ценностных ориентирах, жизненных стратегиях и повседневных практиках представителей разных слоев преמודерного российского общества: на российском материале антропологически ориентированных исторических работ написано крайне мало¹. Даже жизнь высшего сословия изучена в недостаточной степени. Как «вписались» в долгий восемнадцатый век старые аристократические семьи? Как осознавали и осмыслили свой упадок представители «старой знати», не выдержавшие конкуренции со знатью «новой»? Что происходило с их сознанием, самосознанием, идентичностью? Как менялись их практики поведения? Что входило в *modus vivendi* человека «долгого» восемнадцатого века, какие черты были пришедшими из «старой» эпохи, а какие появились как результат европейского влияния, дискурса Просвещения? Мы постараемся найти ответы на эти вопросы в мемуарной прозе князя Ивана Михайловича Долгорукова (1764–1823).

Князья Долгорукие (как писалась фамилия тогда) или Долгоруковы² (как пишется их фамилия теперь) – старинный аристократический род, Рюриковичи, ведущие свое происхождение от князей Черниговских. Первым Долгоруком был суровый и крайне мстительный праправнук Михаила Всеволодовича Черниговского, князь Иван Андреевич, живший в XV в. и прозванный ««Долгоруким» за умение так или иначе достигать своих врагов, где бы они ни скрывались»³. Род был многочисленным, в нем выделились разные ветви, и в XVIII в. наиболее извест-

¹ См., напр.: Кошелева 2004; Зорин 2016.

² Во избежание проблем с написанием фамилии, всех старших представителей рода, вплоть до князя И.А. Долгорукого, я буду писать как Долгоруких, а его потомков, начиная с М.И. Долгорукова – как Долгоруковых.

³ Долгорукий 1905: 493.

ной (и по возвышению, и по последующей катастрофе) стала ветвь, идущая от окольного Ф.Ф. Долгорукого (ок. 1610–1664) к его сыновьям боярину Якову Федоровичу (1639–1720), славившемуся неподкупностью и бескомпромиссностью, воеводам Луке Федоровичу (ок. 1645–1710) и Борису Федоровичу (ок. 1653–1702), дипломату Григорию Федоровичу (1657–1723) Долгоруким. Максимального возвышения Долгорукие добились при Петре II, когда в состав Верховного тайного совета вошли двоюродные братья князя Алексей Григорьевич (ок. 1681–1734) и Василий Лукич (1672–1739) Долгорукие; князь Иван Алексеевич (1708–1739) стал любимым другом, фаворитом императора, а княжна Екатерина Алексеевна (1712–1747) обручилась с ним, получив титул «Ее высочество государыня-невеста». Однако недолгое возвышение Долгоруких с воцарением Анны Иоанновны закончилось катастрофически – опалой, ссылками, а затем и казнями. Как писал И.М. Долгоруков, «Императрица Анна не терпела каждого из наших; Бирон гнал все наше племя»⁴. Князь Алексей Григорьевич скончался в 1734 г. в ссылке в Березове, а его сын Иван, в прошлом фаворит императора Петра II, после пыток был подвергнут мучительной казни (8 ноября 1739 г.) вместе с дядьями Иваном и Сергеем и двоюродным дядей Василием Лукичем Долгорукими по обвинению в государственной измене. Младшим сыновьям А.Г. Долгорукого Николаю (1713–1790), Алексею (1716–1792), Александру (1718–1782) после пыток 28 октября 1740 г. урезали языки и отправили в новую ссылку. У И.А. Долгорукого остались вдова, княгиня Наталья Борисовна (1714–1771), урожденная графиня Шереметева, и двое сыновей, Михаил (1731–1794) и Дмитрий (1737–1769). Долгорукие были прощены императрицей Елизаветой Петровной, часть конфискованного имущества им возвращена, но от страшного удара потомки И.А. Долгорукого уже оправиться не смогли. Началось стремительное оскудение и постепенное угасание семьи. Представитель следующего поколения князь М.И. Долгоруков был женат дважды и оставил трех дочерей и сына Ивана (1764–1823); его сын князь И.М. Долгоруков, также дважды женатый, произвел на свет десять детей, из которых до взрослого возраста дожили четыре сына и три дочери, но на этом мужская линия потомков И.А. и Н.Б. Долгоруких завершилась.

Итак, жизнь пяти поколений семьи Долгоруковых, начиная с А.Г. Долгорукого и заканчивая детьми И.М. Долгорукова, в большей или меньшей степени протекала в рамках «долгого» XVIII века, и, к счастью для исследователей, рефлексия, в т.ч. письменная, была характерной чертой многих представителей этой семьи. Памятные записки оставила Н.Б. Долгорукая, безыскусно описавшая свою раннюю юность, счастливую влюбленность и полную страданий замужнюю жизнь, совпавшую с опалой Долгоруких. Вырастив сыновей и дождавшись женьитьбы старшего из них, она ушла в монастырь в Киеве, но каждые три года семья сына навещала ее. Маленьким мальчиком впервые увидел

⁴ О кн. Н.Б. Долгорукой 1867: 59.

свою бабушку внук Иван, и ранние детские впечатления, смешавшись с текстом ее записок, сформировали образ великомученицы, передаваемый в семье из поколения в поколение. Именно И.М. Долгоруков передал текст записок Н.Б. Долгорукой для публикации, и в 1810 г. они вышли в журнале «Друг юношества». Рукопись продолжала храниться в семье младшего сына И.М. Долгорукова, сенатора Д.И. Долгорукова, и в 1867 г. была опубликована П.И. Бартеневым в «Русском архиве»⁵. Памятный семейный нарратив продолжал задавать рамку существования уже семьям правнуков многострадальной княгини; неслучайно в Предисловии к запискам Н.Б. Долгорукой Бартенев упомянул богатый запас «семейных рассказов и преданий, свято сохранных через целое столетие и доселе передаваемых со всею живостью как бы вчерашнего дня»⁶. В семье также хранились письма Н.Б. Долгорукой 1750-х–1770-х гг.⁷

Склонностью к литературной деятельности отличались и три правнука Н.Б. Долгорукой, сыновья И.М. Долгорукова: Павел (1787–1845), Александр (1793–1868), Дмитрий (1797–1867). Сюжеты и названия многих их стихотворений были навеяны отцовскими произведениями, при этом исследователи отмечают несомненный талант Дмитрия на фоне весьма посредственных текстов Александра. Павел Долгоруков вел дневник⁸, в котором описывались быт и нравы провинциального чиновничества (он служил при генерале И.Н. Инзове как раз в те годы, когда А.С. Пушкин был отправлен в ссылку на юг России).

Однако наиболее значимые мемуарные тексты оставил князь Иван Михайлович Долгоруков, известный литератор, стихотворец, драматург, описывавший жизнь своих предков и свою собственную. Невзирая на неточности в деталях (порой случайные, но часто намеренные), мемуары И.М. Долгорукова ценны своей рефлексией и возможностью реконструкции на их основе образа жизни аристократа переходной эпохи. К мемориальным можно отнести два текста И.М. Долгорукова: классические мемуары «Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни...»⁹ и оригинальный по форме второй текст «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни»¹⁰. Оба текста при всей разнице форматов были ориентированы на членов семьи, которые должны были, по мнению автора, усваивать моральные уроки, осознавать исключительность своего происхождения от доблестных предков и затем выстраивать свой особый, долгоруковский способ бытования в этом мире. Если «Повесть...» писалась на протяжении многих лет (1788–1822 гг.), отдельные ее части пересматривались, даже уничтожались, какие-то события записывались сразу, а иные – по прошествии множества лет, то текст «Капища...» со-

⁵ Памятные записки 1867.

⁶ Б[артенев] П. 1867: 3.

⁷ Письма 1867.

⁸ Долгоруков 1951.

⁹ Долгоруков 2004–2005.

¹⁰ Долгоруков 1997.

здавался как своего рода «игры разума»: заболевший И.М. Долгоруков был прикован к креслу и попробовал найти рациональный выход из гнетущего состояния духа. Память услужливо подсказала ему текст французского писателя Ретифа де ла Бретонна¹¹, представлявший собой лексикон связей и отношений отдельного человека. Долгоруков воспринял этот текст как вызов: совместив идею значимых людей и памятных событий с календарем, Долгоруков составил список из 366 своих знакомых, в календаре выделил те дни, которые были связаны с людьми из его списка, а оставшихся людей «разместил» по дням года по жребию. Процесс написания словарных статей для календаря занял целый год, и о болезни думать почти не приходилось. Интеллектуальные штудии обеспечили своего рода возврат хронологической и географической подвижности прикованному к креслу Долгорукову: память перемещала его из года в год, от младенчества к зрелости и обратно, из одного места учебы или службы – в другое. Люди, которых он описывал Долгоруков в «Капище...», были интересны ему не своей биографией, а той ролью, которую они сыграли в его, Долгорукова, жизни; в центре всех описываемых связей и отношений был именно он, автор. Получился текст о «значимых других», написанный в эпоху, когда ничего не знали о теориях развития личности и принципах межличностного взаимодействия.

Долгоруков рассчитывал лично успеть воспользоваться этим произведением и сделать его востребованным у своих потомков. Он планировал ежедневно заглядывать в календарь и еще раз освежать в памяти образ человека, который был «приписан» к этому дню в «Капище...». Должна была получиться многоступенчатая мемориализация: Долгоруков вспоминал человека, когда составлял список имен для словаря, вспоминал, когда формировал сетку текста по дням года, вспоминал, когда писал сам текст и вспоминал, когда обращался к написанному ранее тексту в нужный день года. Для его потомков текст должен был служить тем самым чужим опытом, из которого полагается извлекать уроки, поэтому автор не стеснялся, старался писать откровенно, чтобы его заблуждения и ошибки пошли на пользу детям, а потом и внукам. Главный же моральный урок, который, по мнению автора, они должны были извлечь из произведения предка, – мысль о том, как все непрочно в этом мире, как неустойчиво положение служащего человека.

Главное занятие И.М. Долгорукова как дворянина – служба. Для первых двух поколений Долгоруких «служба» состояла в близости к трону; только максимальное приближение к нему могло удовлетворить их тщеславию. Представитель третьего поколения М.И. Долгоруков, появившийся на свет в березовской ссылке, мечтал о возвращении высокого положения своего рода и сделал все возможное, чтобы его сын оказался при дворе, и поначалу князь Иван Михайлович, казалось, оправдывал ожидания. Однако в конечном итоге карьера князя И.М. Долгорукова не

¹¹Это был 16-томный автобиографический роман «Monsieur Nicolas, ou le Cœur humain dévoilé», опубликованный в 1794–97 гг.

задалась: с военной службы он уволился сам в 1790 г. в чине бригадира, а пребывание в должностях пензенского вице-губернатора (1791–1796), а затем владимирского губернатора (1802–1812) каждый раз заканчивалось теми или иными обвинениями, скандалами и увольнением.

Огромную роль в формировании идентичности И.М. Долгорукова и его потомков играли семейные предания о роли Долгоруких в истории страны. Этот семейный нарратив, противопоставляемый официальным оценкам тогдашних (как и нынешних) историков¹², включал в себя представления о князе И.А. Долгоруком, фаворите Петра II, как о человеке, казненном за свои убеждения, «ревнителе отечественной свободы»¹³. С детства И.М. Долгорукову напоминали о трагической судьбе деда: вдова казненного, схимонахиня Нектария, при редких встречах с малюткой-внуком в Киеве сквозь слезы восклицала: «Ванюша, друг мой! чье ты имя носишь?», поскольку «несчастный супруг ее беспрестанно жил в ее помышлении»¹⁴. Став взрослым и направляясь по делам службы из Москвы в Петербург, И.М. Долгоруков считал своим долгом, если только позволяло время, обязательно заехать в Новгород и поклониться могиле казненного деда¹⁵; этот же ритуал он постарался привить своим детям. Частью памятного семейного нарратива были представления об исключительно благородном и благоразумном поведении И.А. Долгорукого в историях с обручением Петра II с Екатериной Долгорукой (потомки считали, что князь Иван был против этого брака), завещанием Петра II (с негодованием опровергались сообщения, что И.А. Долгорукий выступил за возведение на престол невесты скончавшегося императора); настоящей злодейкой в семейном предании выступала «властолюбивая сестра»¹⁶ княжна Екатерина, во время ссылки инспирировавшая новое расследование дела Долгоруких, закончившееся мучительной казнью князя И.А. Долгорукого в 1739 г. в Новгороде¹⁷. Никто из близких родственников не был при этом событии, но И.М. Долгоруков спустя годы зафиксировал семейную память: «Палач отделил голову его; она покатила прежде, нежели уста его успели произнести последние слова кающегося пророка. Умер вельможа с духом твердым, с мужеством веры»¹⁸. На таких пафосных словах воспитывались новые поколения, которым с детства внушались представления о несправедливости рока (что оправдывало многие собственные слабости и неумение жить в новых реалиях) и стремление к возвраще-

¹² Долгоруков 2004: 9.

¹³ Долгоруков 2004: 9.

¹⁴ Долгоруков 2004: 27.

¹⁵ Долгоруков 2004: 659.

¹⁶ Долгоруков 2004: 11.

¹⁷ Новое расследование началось из-за излишней болтливости младшего из братьев Долгоруких, Александра, который, осознав последствия, попытался покончить жизнь самоубийством, расправив себе живот. Однако живот зашили, а самого князя Александра, чтобы отличить его от других Долгоруковых, москвичи впоследствии называли «князь с поронным брюхом». – См. Примечания 1867: 51.

¹⁸ Долгоруков 2004: 11.

нию былого могущества этой ветви рода Долгоруких. Особые надежды князя М.И. и И.М. Долгоруковы возлагали на великого князя Павла Петровича, полагая, «что Павел, вступая на престол некогда, возвратит дому нашему прежний блеск его и силу»¹⁹.

Судя по всему, похожий травмирующий нарратив о былой славе и падении рода существовал и у потомков казненного вместе с И.А. Долгоруким выдающегося дипломата, князя С.Г. Долгорукого. А.М. Фадеев (1789/90–1867), женившийся на его правнучке, вспоминал, что, по семейным преданиям, «до конфискации у них было двести тысяч душ крестьян»²⁰, а родственники жены Фадеева, урожденной княжны Долгорукой, любили рассказы «о прежнем, добром, старом времени, о событиях и превратностях их жизни, о их семейных преданиях, о людях с историческим значением, близко им известных»²¹. Даже следы оскудения были похожими. О бедности И.М. Долгорукова в последние годы его жизни Фадеев написал так: «поехал я к нашему родственнику и другу, князю Ивану Михайловичу Долгорукому, некогда известному поэту, и едва отыскал его ветхий дом, почти за городом. Недостаток средств проглядывал во всем: комнаты убраны бедно, люди одеты плохо, а самого князя застал в поношенном, стареньком тулупчике»²². А так он описал дом в Знаменском, пензенском имении потомков С.Г. Долгорукого: «Во всем было какое-то смешение родовой гордости и простоты, остатков прежнего величия и богатства и недостатка обыкновеннейших предметов для удобства жизни. Огромнейший деревянный дом о сорока комнатах с некоторыми признаками прежней роскоши и боярства»²³.

Другой составляющей идентичности Долгоруковых были представления о значимости фактора родства. Родственные связи были априорно заданы человеку, их надлежало поддерживать на должном уровне, они были константой уравнения жизни, в отличие от переменных случайных связей. Главной опорой человека должны были выступать его ближайшие родственники мужского пола. Для И.М. Долгорукова абсолютным авторитетом был его отец, князь Михаил Иванович (он родился во время пребывания родителей в ссылке в Березове и не получил должного образования): он сам определял линию воспитания и образования (включая набор изучаемых предметов и подбор гувернеров), по совету И.И. Шувалова отдал сына на учебу в Московский университет (Долгоруков посещал лекции вместе со своим гувернером и вечером прорабатывал с ним прослушанный материал). Мечтая о дипломатической карьере для сына²⁴, М.И. Долгоруков обдумывал вариант отправки его для начала службы за границу (благодаря дяде, барону А.Н. Строганову, малолетний И.М. Долгоруков в 1775 г. получил от польского короля па-

¹⁹ Долгоруков 2004: 122.

²⁰ Воспоминания 1897: 34.

²¹ Воспоминания 1897: 39.

²² Воспоминания 1897: 74.

²³ Воспоминания 1897: 38–39.

²⁴ Долгоруков 2004: 29.

тент на полковничий чин²⁵). Все важные решения, касающиеся как собственной карьеры, так и сына, князь Михаил принимал, посоветовавшись со знающими, имеющими вес в обществе людьми: о возвращении на службу – с И.И. Бецким, о возможном отъезде своего сына за границу – с Н.И. Паниным, о месте учебы – с И.И. Шуваловым, о начале службы в Москве – с В.М. Долгоруким-Крымским. Отец духовно и нравственно направлял сына: «Мы беседовали о разных нравственных предметах, он открывал мои наклонности, направлял путь моего сердца и разума, и для меня прохождение времени с ним обратилось в наилучшую школу. Мы часто читывали вместе и рассуждали о содержании книг, между нами происходили иногда споры, и посредством их очищались мои идеи»²⁶.

Единственное, что не смог обеспечить отец, это передачу долгоруковских богатств сыну. В 1790 г. Долгоруков констатировал: «Дом наш уже не тот был богатый и роскошный, в котором я родился и воспитанье получил. Именье родителей моих, обремененное долгами, едва могло доходами своими удовлетворять потребностям нашего многолюдного семейства. Нужда часто была ощущаема каждым из нас»²⁷.

Итак, отец был образцом во всем. От других родственников ожидалась помощь и поддержка. Долгоруков откровенно писал: «Какая польза насчитывать сотни дядей, теток, и двоюродных, и троюродных, когда никто из них не окажет тебе участия ни в болезни, ни в печали, ни в тесном обстоятельстве жизни?»²⁸ Среди его родственников на «высоте» задач оказались родной дядя барон А.Н. Строганов (1740–1789), помогавший и словом, и делом (прежде всего, деньгами) юному и безалаберному, влюбчивому и чрезмерно эмоциональному И.М. Долгорукову, дядя С.М. Ржевский (1732–1782), «человек самого острого и приятного ума»²⁹, (зять) муж сестры В.Л. Селецкий (1765–1831), решивший наследственные денежные вопросы в пользу Долгорукова и его дочерей³⁰. Не совсем соответствовал ожиданиям петербургский богач, двоюродный дядя граф А.С. Строганов (1733–1811): «он мог иногда оказывать нам услуги гораздо существеннее... но мы стыдились их домогаться, а он никогда не догадывался быть кстати полезен»³¹.

Злодеем в кругу ближайших родственников считался граф П.Б. Шереметев (1713–1788), не выделивший, по мнению Долгоруковых, должного имущества из наследства отца Наталье Борисовне, вернувшейся из ссылки. Долгоруков писал, что П.Б. Шереметев «лишил мать отца моего, а его сестру родную, всякого достоинства законного, отняв у дома нашего до четырех тысяч душ»³², и в целом не перечесть, «скольких зол

²⁵ Долгоруков 2004: 33.

²⁶ Долгоруков 2004: 84–85.

²⁷ Долгоруков 2004: 234.

²⁸ Долгоруков 2004: 196.

²⁹ Долгоруков 1997: 46.

³⁰ Долгоруков 1997: 44.

³¹ Долгоруков 1997: 21.

³² Долгоруков 1997: 178–179.

дому нашему он был виною». «Богатый Лазарь» – вот основной образ сиятельного графа, употребляемый в семье Долгоруковых³³. Даже схимонахиня Нектария не могла удержаться, чтобы не съязвить в адрес единокровного брата, давая такие инструкции сыну и невестке в одном из писем: «Когда вы будете у него обедать, заверни мне в бумажку от крупниц, падающих от трапезы богатой, да и я буду участница его благ. На том свете на оправдание ему, да поможет ему в день судный, что и я странница питалась от дому его»³⁴. Негативным было отношение и к его сыну, графу Н.П. Шереметеву. Долгоруков писал: «я, кроме чувств отвращения и презрения, ничего к нему не питал во всю жизнь его»³⁵.

Остальные знакомые образовывали сложную иерархическую систему. Привилегированное место занимали Долгоруковы: «Имея честь принадлежать сему знаменитому роду, столь прославленному в летописях нашего государства, весьма естественно, что я, от рожденья моего доньше, ни с кем не был так часто в различных отношениях, как с членами оною и однофамильцами своими. Все они, более или менее, были со мной в связи, или по родству, или по приязни, или, по крайней мере, по короткому знакомству»³⁶. Часть Долгоруковых входила в особую категорию «благодетелей». Это были богатые люди, занимавшие важное положение в обществе, с полезными связями и знакомствами. С ними нужно было поддерживать постоянные отношения, поздравлять со всеми праздниками, оказывать всевозможные мелкие услуги, приглашать в крестные своим детям, благодарить за любые знаки внимания, а взамен ожидать помощи в сложных ситуациях, рекомендаций для продвижения по службе, патронирования. Все эти неписанные правила поведения нелегко давались потомкам казенного И.А. Долгорукого, честолюбивым и не желающим просить того, что им и так должны были предоставить по праву фамилии. Иван Михайлович считал, что его отец, честно служа, не получил ни высоких чинов, ни наград, поскольку был «слишком горд, ждал всего от одних своих достоинств и никогда не хотел слоняться в сенях больших господ, и оттого был брошен»³⁷. Так вел себя и сам И.М. Долгоруков, считавший ниже своего достоинства толпиться в приемной у какого-нибудь придворного.

Благодетели могли быть истинными и мнимыми. Последние разбрасывались обещаниями, делали вид, что помогли, но на практике никаких благодеяний не оказывали. Истинным благодетелем на страницах мемуаров Долгорукова выступает князь В.М. Долгорукий-Крымский (1722–1782), «из редкого числа тех столповых бояр, коими славится доньше век Петра I и его предшественников»³⁸. Именно под началом этого московского главнокомандующего И.М. Долгоруков в 16-тилетнем воз-

³³ Долгоруков 2004: 189.

³⁴ Письма 1867: 54.

³⁵ Долгоруков 1997: 179.

³⁶ Долгоруков 1997: 30.

³⁷ Долгоруков 2004: 88.

³⁸ Долгоруков 2004: 53.

расте поступил на службу. «Жаркое принимал участие» во всех обстоятельствах жизни Долгорукова князь В.С. Долгоруков (1717–1803), дипломат, многолетний посол в Пруссии, долгие годы проживший в Москве на покое, «посвятив себя одним связям родства и дружбы»³⁹. Благотетелем был и князь Ю.В. Долгоруков (1740–1830), в прошлом московский военный губернатор. Отношения с ним были омрачены денежными потерями при продаже имения, но решив более не смешивать личные контакты с денежным интересом, Иван Михайлович смог на всю оставшуюся жизнь сохранить доброжелательство старого вельможи и его покровительство сыну Александру. Бесспорно, благотетелем был и граф (впоследствии князь) В.П. Кочубей (1768–1834), министр внутренних дел. Долгорукову импонировала холодноватая, исключительно профессиональная манера ведения дел Кочубеем, но особо значимой была для него оценка его трудов со стороны министра. Законченным типом придворного, чьи благодеяния доставались тяжелой ценой для самолюбия Долгорукова, был князь А.Б. Куракин (1759–1829): «Всякий знак его внимания, даже самого благотетельного, был тяжел, потому что он покупался не столько подвигами, званию свойственными, как разными низкими угождениями, кои так противны всякому благородному сердцу»⁴⁰. Яркий пример мнимого благотетеля – граф (впоследствии светлейший князь) Н.И. Салтыков (1736–1816), воспитатель великих князей: «он не только не сделал мне никакого существенного добра во всю жизнь свою, но даже и простыми средствами не воспользовался, от него единственно зависевшими, показать мне истинное в судьбе моей участие»⁴¹.

В целом, представленная картина была традиционной, но Долгоруков, любитель французской литературы, не зря много и с интересом читал кумиров Века Просвещения, так что он был готов видеть и принять персонажей совершенно нового типа. Необычен его отзыв о Сперанском, неожиданно употребление слова «гений»: «Михайла Михайлович, человек с превосходными дарованиями, выродок, можно сказать, в своей сфере. Хотя отношения мои с ним были весьма случайные и непостоянные, но приятно вспомнить и самые кратчайшие минуты, в кои мы сближаемся с гением. Я осмелюсь назвать его таким по высоким его талантам и чрезвычайной судьбе его»⁴². Особой ценности отзыву Долгорукова придает то, что он писался после отставки и опалы Сперанского.

Удивительно откровенно описал Долгоруков свои любовные приключения: он считал, что и этот опыт может быть полезен его детям. С юности он «влюблялся поминутно и во всех»⁴³, женился по большой любви, но это не помешало ему влюбляться снова и снова. Правда, побочной семьи, в отличие от собственного отца, Долгоруков не завел. По

³⁹ Долгоруков 1997: 147.

⁴⁰ Долгоруков 1997: 255.

⁴¹ Долгоруков 1997: 239.

⁴² Долгоруков 1997: 99.

⁴³ Долгоруков 2004: 31.

мере того, как выросли его собственные дети, Долгоруков снова и снова задумывался над вопросами брака и пришел к мысли, что брак является не только духовным таинством, но и гражданским актом, политическим действием, поскольку влияет на общественный порядок. Он предлагал, чтобы браки заключали люди близкого социального положения, строго с дозволения правительства. Подобная мера могла бы предупредить «кучу беспорядочных супружеств, ни на чем рассудительном не основанных»⁴⁴. Очевидно, что князь, современник Французской революции, размышлял о том, как сохранить существующий социальный порядок, как не нарушить установившуюся социальную иерархию.

Многokrатно рассуждая о патриотизме как важнейшем завете предков, Долгоруков в то же время продекларировал начала терпимости: «Я люблю и не люблю по воле сердца, а не по предрассудку, и никогда не постыжусь сказать, что я гораздо охотнее разделю время с умным и ученым французом, хоть пленным или свободным, нежели с пьяным помещиком, не знающим грамоте, потому только, что он русский, а не иноземец. Что мне до цвета волос и до наречия? Добрый человек везде мой земляк»⁴⁵.

Усвоили ли дети И.М. Долгорукова уроки своего отца, зафиксированные в его мемуарной прозе? Во многом – бесспорно, да. Неслучайно в семьях доживших до 1860–1870-х гг. Д.И. Долгорукова и В.И. Новиковой как семейные реликвии хранились бумаги предков, сохранялись устные предания и была жива родовая спесь. Характерно описание порядка в семье В.И. Новиковой (дочери И.М. Долгорукова), оставленное одноклассником по московскому императорскому лицейоу цесаревича Николая ее внука, Александра Новикова (1861–1913). Вряд ли все детали верны, но семейный дух впечатляет: «Я точно сейчас вижу Сашу Новикова, приходившего к нам в лицей (он был экстерном) не иначе как в сопровожденьи строгого гувернера-француза, муштровавшего его чуть не по-солдатски»⁴⁶. Это был скромный, на славу благонамеренный мальчик, свято соблюдавший все традиции старого барства и незыблемого консерватизма, эпохи Фамусова, крепко державшегося на семи московских холмах. Новиков по рождению принадлежал к родовой аристократии, будучи внуком⁴⁷ князя Ивана Михайловича Долгорукого, бывшего нашим послом в Персии⁴⁸ <...> А.И. жил и воспитывался в доме бабушки, представлявшей собою ... пережиток беспросветного крепостничества и безграничного барского самодурства...»⁴⁹. По описанию видно, что дух дома В.И. Новиковой был истинно долгоруковским.

⁴⁴ Долгоруков 2005: 428.

⁴⁵ Долгоруков 2005: 20.

⁴⁶ Эта фраза живо напоминает описание, как веком раньше в сопровождении гувернера Совере ходил на лекции в Московский университет князь Иван Михайлович – См.: Долгоруков 2004: 38.

⁴⁷ На самом деле – правнуком.

⁴⁸ Послом в Персии был князь Д.И. Долгоруков, двоюродный дед мальчика.

⁴⁹ С.У. 1915: 847–848.

Иван Михайлович не смог реализовать мечты отца о дипломатической карьере, но дипломатами стали его сыновья Дмитрий Долгоруков (посол в Персии), рано умерший Михаил-Рафаил (старший секретарь русской миссии в Италии), внук Евгений Новиков (был послом в Греции, затем Австро-Венгрии и впоследствии в Османской империи). В дипломатической деятельности Е.П. Новикова отразились лучшие черты служения Отечеству, которыми так всегда гордились Долгоруковы: «Безукоризненно, абсолютно честный, он всегда шёл прямыми путями к намеченной цели, и влиять и приспособляться было не в его привычках. Обладая хорошим состоянием, он не нуждался в службе как в средстве к существованию и если служил, то исключительно для того, чтобы принести пользу отечеству, которое безгранично любил всеми силами своей возвышенной души»⁵⁰. Напоминающий страстностью природы, горячностью и пылкостью своего деда, Е.П. Новиков «приучил себя, хотя и с большим трудом, сдерживаться, когда это было необходимо для дела, но в обыкновенной, частной жизни не знал удержки и иногда бывал даже слишком резок». Но в отличие от сноба И.М. Долгорукова, слишком гордого, вечно помнящего о семейной травме, связанной с казнью деда, Е.П. Новиков обладал более привлекательными чертами: «Добрый, справедливый, всегда всем доступный, он был горячо любим своими подчиненными. <...> Он был последним из могижан когда-то славных русских национальных дипломатов того времени»⁵¹.

Итак, то, что не получилось у Долгорукова, удалось Новикову. Быть Долгоруковым оказалось непросто. Почему? Важной причиной стало несоответствие возлагаемых на И.М. Долгорукова ожиданий (и со стороны общества, и со стороны ближайших родственников) и реальных интересов, устремлений самого князя. У него были две страсти, которым он желал посвятить свою жизнь, – театр и женщины, а от него, как от князя, требовали служения и исполнения должностных обязанностей. Еще угнетала бедность. Долгоруков (как и его отец) не был приучен вести хозяйство рационально и не умел отказывать себе и своим близким в привычных удовольствиях: «сам я был мот по склонности и без всякого понятия о домостроительстве, так что не умел придумывать никакого расчета экономического»⁵². В течение многих лет семья вела образ жизни, соответствующий представлениям о том, как должны жить Долгоруковы, а не тому, какими средствами они реально располагали. В итоге наступило оскудение, долги увеличивались, и все попытки решить финансовые проблемы приводили только к еще большим осложнениям. А ведь бедность всегда страшила Долгорукова. Еще не испытав настоящих трудностей, он записал: «Правда, что бедность не порок. Все философы это проповедуют, но, ах, как ужасно чувство ее!»⁵³.

⁵⁰ Арбузов 1914: 801.

⁵¹ Арбузов 1914: 802.

⁵² Долгоруков 2004: 203.

⁵³ Долгоруков 2004: 167.

Сыграли свою роль травмирующие предания о былом могуществе рода, попытки вернуть утраченное, культивированная зависть к Шереметевым, неподкрепляемые ничем амбиции. Постепенно у Долгорукова сформировался крайне пессимистический взгляд на устройство российского общества, условия жизни, характер населения⁵⁴. В пятидесятилетнем возрасте «разные обдумывал я планы, хотел продать все свое бедное имение, заплатить долги, с остатком небольших денег выехать в чужие края, бросить и забыть навек родину и там, в новом где-либо отечестве, выучась пахать, прокармливать собственными трудами себя и семейство»⁵⁵. Конечно, эти планы (навеянные сочинениями просветителей) были абсолютно нереалистичными.

Начав жить в блестящий век Екатерины II, Долгоруков, с надеждой встретивший воцарение Павла, к «малому двору» которого когда-то были близки он и его жена, глубоко разочаровался в этом императоре (поскольку получил неожиданную отставку с вице-губернаторского поста). Еще большим разочарованием стал для него Александр I, которого он помнил прелестным юным мальчиком времен собственной петербургской молодости, а теперь тот превратился в человека, с предубеждением относившегося к результатам губернаторской деятельности Долгорукова: «Государю был я противен, а он мне»⁵⁶. Вся степень политического разочарования проглядывает во фразе Долгорукова, которую бы точно не одобрили его предки-патриоты XVII века: «Кончу печальную о сем повесть искренним желанием не быть никогда слугою государства такого, каково российское было в наше время»⁵⁷.

Обращение к заветам предков также было причиной неуспеха Долгорукова. Вместо того, чтобы смотреть вперед, он все время оглядывался назад, вспоминал «старину», как время, когда Долгоруковы были богаты и успешны. Долгоруков получил мощную «прививку» европейской культуры – и от гувернеров, и во время учебы в Московском университете, и в «свете», и благодаря прочитанным книгам, однако система ценностей, жизненных связей и отношений, ожиданий, неписанных правил поведения оставалась старорусской. В итоге он был вынужден существовать сразу в двух временных пластах, не соответствуя полностью требованиям ни одного из них. О подобном явлении «полюхронного существования» писал Е.В. Дуков: «Жёсткий прессинг верховной власти расщепил культуру высших сословий – не случайно иностранцы подчёркивали, что в столицах в богатых домах живут по-русски, а публичная и церемониальная жизни устроены на западный образец. Одновременное существование в нововременных европейских и архаичных национальных стилях жизни стало нормой для этого социального слоя»⁵⁸. Подоб-

⁵⁴ Долгоруков 2005: 366.

⁵⁵ Долгоруков 2005: 357.

⁵⁶ Долгоруков 2005: 439.

⁵⁷ Долгоруков 2005: 475.

⁵⁸ Дуков 2000: 497-498.

ный неудачный опыт полихронного существования как раз и закреплён в мемуарных текстах князя И.М. Долгорукова.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Арбузов Н. К. Из воспоминаний о Царь-граде. Евгений Петрович Новиков – наш посол в Константинополе. (1880–1882 гг.) // Исторический вестник. 1914. Т. СXXXVIII. № 12. С. 801–837 [Arbuzov N. K. Iz vospominanii o Car'-grade. Evgenii Petrovich Novikov – nash posol v Konstantinopole. (1880–1882 gg.) // Istoricheskii vestnik. 1914. T. СXXXVIII. № 12. S. 801–837].
- Б[артенев] П. [Предисловие] // Памятные записки княгини Натальи Борисовны Долгоруковой // Русский архив. 1867. Вып.1. Стлб. 3. [B[artenev] P. [Predislovie] // Pamyatnye zapiski knyagini Natal'i Borisovny Dolgorukovoi // Russkii arhiv. 1867. Vyp.1. Stlb. 3.]
- Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг. В 2-х ч. Одесса: тип. Южно-Рус. О-ва печ. дела, 1897. Ч. 1. 232 с. [Vospominaniya Andrey a Mihailovicha Fadeeva. 1790–1867 gg. V 2-x ch. Odessa: tip. YUzhno-Rus. O-va pech. dela, 1897. Ch. 1. 232 s.]
- Долгорукий, Иван Андреевич // Русский биографический словарь А.А. Половцова. Т. 6: Дабелов – Дядьковский. СПб: тип. Тов-ва «Общественная польза», 1905. С. 493. [Dolgorukii, Ivan Andreevich // Russkii biograficheskii slovar' A.A. Polovcova. T. 6: Dabelov – Dyad'kovskii. SPb: tip. Tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1905. S. 493.]
- Долгоруков И.М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни / издание подготовил В.И. Коровин. М.: Наука, 1997. 390 с. [Dolgorukov I.M. Kapishche moego serdca, ili Slovar' vsekh tekh lic, s koimi ya byl v raznykh otnosheniayah v techenie moei zhizni / izdanie podgotovil V.I. Korovin. M.: Nauka, 1997. 390 s.]
- Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. В книгу сию включены будут все достопамятные происшествия, случившиеся уже со мною до сего года и впредь имеющиеся случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мною связь и к собственной истории моей уважительное отношение / подгот. Н.В. Кузнецова, М.О. Мельцин. Т. 1. СПб.: Наука, 2004. 816 с.; Т. 2. СПб.: Наука, 2005. 726 с. [Dolgorukov I.M. Poves't' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsei zhizni, pisannaya mnoi samim i nachataya v Moskve 1788-go goda v avguste mesyace, na 25-om godu ot rozhdeniya moego. V knigu siyu vklucheny budut vse dostopamyatnye proisshestiya, sluchivshiesya uzhe so mnoyu do sogo goda i vpred' imeyushchiesya sluchits'ya. Zdes' zhe vpishutsya kopii s primechatel'neishih bumag, koi budut imet' lichnyuyu so mnoyu svyaz' i k sobstvennoi istorii moei uvazhitel'noe otnoshenie / podgot. N.V. Kuznecova, M.O. Mel'cin. T. 1. SPb.: Nauka, 2004. 816 s.; T. 2. SPb.: Nauka, 2005. 726 s.]
- Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни или два дни ведра на 363 ненастья. Кишинев, 1822 // Звенья: сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в. / под ред. Влад. Бонч-Бруевича. Т. 9. М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1951. С. 21–154. [Dolgorukov P. I. 35-i god moei zhizni ili dva dni vedra na 363 nenast'ya. Kishinev, 1822 // Zven'ya: sbornik materialov i dokumentov po istorii literatury, iskusstva i obshchestvennoi mysli XIX v. / pod red. Vlad. Bonch-Bruevicha. T. 9. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'noi literatury, 1951. S. 21–154.]
- Дуков Е.В. Полихрония российских развлечений XIX века // Развлекательная культура России XVIII – XIX вв. Очерки истории и теории. / Ред.-сост. Е.В. Дуков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 495–520. [Dukov E.V. Polihroniya rossijskikh razvlechenij XIX veka // Razvlekatel'naya kul'tura Rossii XVIII – XIX vv. Ocherki istorii i teorii. / Red.-sost. E.V. Dukov. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2000. S. 495–520.]
- Зорин А.Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX вв. М., НЛО, 2016. 568 с. [Zorin A.L. Poyavlenie geroya: iz istorii russkoi emocional'noi kul'tury konca XVIII – nachala XIX vv. M., NLO, 2016. 568 s.]
- Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М.: О.Г.И., 2004. 486 с. [Kosheleva O.E. Lyudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni. M.: O.G.I., 2004. 486 s.]

- Кузнецова Н.В., Мельцин М.О. Преображение реальности в «Повести...» кн. И. М. Долгорукова // Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. В книгу свою включены будут все достопамятные происшествия, случившиеся уже со мною до сего года и впредь имеющие случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мною связь и к собственной истории моей уважительное отношение / подгот. Н.В. Кузнецова, М.О. Мельцин. Т. 2. СПб.: Наука, 2005. С. 491–513 [Kuznecova N.V., Mel'cin M.O. Preobrazhenie real'nosti v «Povesti...» kn. I. M. Dolgorukova // Dolgorukov I.M. Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsei zhizni, pisannaya mnoi samim i nachataya v Moskve 1788-go goda v avguste mesyace, na 25-om godu ot rozhdeniya moego. V knigu siyu vklucheny budut vse dostopamyatnye proisshestiya, sluchivshiesya uzhe so mnoyu do sego goda i vpred' imeyushchie sluchitsya. Zdes' zhe vpishutsya kopii s primechatel'neishih bumag, кои будут имет' личную со мною svyaz' i k sobstvennoi istorii moei uvazhitel'noe otnoshenie / podgot. N.V. Kuznecova, M.O. Mel'cin. T. 2. SPb.: Nauka, 2005. S. 491–513].
- О кн. Н.Б. Долгорукой. Из рукописных Путевых Записок внука ея, князя Ивана Михайловича Долгорукаго 1810 года // Русский архив. 1867. Вып.1. Стлб. 59–64. [О кн. Н.В. Dolgorukoi. Iz rukopisnyh Putevyh Zapisok vnuka eya, knyazya Ivana Mihailovicha Dolgorukago 1810 goda // Russkii arhiv. 1867. Vyp.1. Stlb. 59–64].
- Памятные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой // Русский архив. 1867. Вып.1. Стлб.4–50 [Pamyatnye zapiski knyagini Natal'i Borisovny Dolgorukoi // Russkii arhiv. 1867. Vyp.1. Stlb.4–50].
- Письма кн. Н.Б. Долгорукой // Русский архив. 1867. Вып.1. Стлб. 52–59. [Pis'ma kn. N.B. Dolgorukoi // Russkii arhiv. 1867. Vyp.1. Stlb. 52–59].
- Примечания к Памятным запискам княгини Натальи Борисовны Долгорукой // Русский архив. 1867. Вып.1. Стлб. 50–52 [Primechaniya k Pamyatnym zapiskam knyagini Natal'i Borisovny Dolgorukoi // Russkii arhiv. 1867. Vyp.1. Stlb. 50–52].
- С.У. Мозаика (Из старых записных книжек) // Исторический вестник. 1915. Т. CXLI. Сентябрь. С. 841–850 [S.U. Mozaika (Iz staryh zapisnykh knizhek) // Istoricheskii vestnik. 1915. T. CXLI. Sentyabr'. S. 841–850].

Солодянкина Ольга Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории и философии, Череповецкий государственный университет;
olga_solodianskin@mail.ru

Life lessons in the memoirs of Prince I.M. Dolgorukov traces of the “immanent art”

The article analyzes the memoirs of Prince I.M. Dolgorukov (1764–1823), created with the expectation of his descendants and containing a family narrative about the former greatness of the Dolgoruky and unjust persecution of them, which led to the gradual impoverishment of the family. The author reconstructs the constituent parts of Dolgorukov's identity, the way of life of family members in the context of the "long" 18th century. The system of personal connections and relationships of Dolgorukov is described, the main categories of "significant others" are indicated. The author comes to the conclusion that ambition and pride were characteristic features of the Dolgorukovs, and elements of antiquity and the evolution of the European Enlightenment were intertwined in the style of their life.

Keywords: the Dolgorukovs, Prince I.M. Dolgorukov, family narrative, social connections and relationships, lifestyle, identity, polychronous existence, the "long" eighteenth century

Olga Solodyankina, Dr. Sc. (History), Professor, Cherepovets State University; olga_solodianskin@mail.ru